

⁹ Ibid. P. 928.

¹⁰ Ibid. P. 929.

¹¹ Ibid. P. 931.

¹² Ahmad M. R. Is the British «Raj» in danger? // The Nineteenth Century. September 1897. P. 497.

¹³ Ibid. P. 498, 500.

¹⁴ Ahmad M. R. A Moslem's View of the Pan-Islamic Revival // The Nineteenth Century. October 1897. P. 518.

¹⁵ Ibid. P. 519–520.

¹⁶ Ibid. P. 522.

¹⁷ Ibid. P. 524–526.

УДК 94(420)''16'': 930.1(47)

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА В ОСВЕЩЕНИИ М. М. КОВАЛЕВСКОГО

А. В. Афонюшкина

Воронежский государственный университет
E-mail: medieval@hist.vsu.ru

В статье рассматривается проблема освещения и оценки английской революции середины XVII в. видным российским историком, принадлежавшим к «русской школе» в изучении новой истории. Анализируется подход М. М. Ковалевского в объяснении предпосылок и причин революции; показано, что его исследования готовили почву для последующего изучения социальной истории Англии и революционной проблематики в целом российскими университетскими учеными второй половины XIX в.

Ключевые слова: российская либеральная историческая мысль, изучение английской революции середины XVII в., историография.

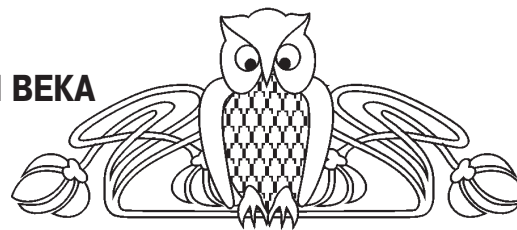
Interpretation of English Revolution of the XVII Century by M. M. Kovalevsky

A. V. Afonushkina

The article is concerned with the contribution of one of the most famous Russian liberal scientists to the history of English revolution research – the important problem of European modern history. It was the first contribution to scientific elaboration of this subject in Russia.

Key words: English revolution research, scientific thought, historiography, Russian liberal science.

Максим Максимович Ковалевский (1851–1916), крупнейший представитель «русской школы» историков, был первым в России исследователем социальной истории Англии. Он учился на юридическом факультете Харьковского университета, после окончания которого был оставлен при кафедре государственного права, а в 1872 г. выехал за границу для подготовки магистерской диссертации. Эта поездка сыграла важную роль в формировании взглядов молодого ученого. Он жил в Лондоне, работал в Британском музее. В 1874 г. познакомился с К. Марксом что оказало влияние на развитие его научных интересов. Сам Ковалевский писал в 1909 г.: «Очень вероятно, что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы, и сосредоточил бы своё внимание в большей степени на ходе развития политических

учреждений, тем более что такие темы прямо отвечали преподаваемому мною предмету»¹.

По возвращении на родину в декабре 1876 г. М. М. Ковалевский стал одним из наиболее популярных профессоров Московского университета, заняв кафедру государственного права европейских государств. Ни одна университетская аудитория не вмещала его слушателей, и Ковалевский читал лекции в актовом зале. Предмет, преподаваемый им, казался «опасным», и в 1887 г. Ковалевского уволили, обвинив в «отрицательном отношении к русскому государственному строю», которое вытекало из «неуместного сравнения» английских порядков с русскими, подкрепленного соответствующей «интонацией»².

М. М. Ковалевский уехал за границу, 17 лет занимался там научными исследованиями и читал лекции во Франции, Англии, США, Италии, Швеции, был одним из организаторов Русской высшей школы общественных наук в Париже. Вернувшись в Россию в 1904 г., М. М. Ковалевский стал участником общественно-политической жизни. Он был членом Государственной думы и Государственного совета, читал лекции в университете, на Высших женских курсах и др. Академия наук избрала его ординарным академиком. Он стал председателем Русского отделения Международного общества мира и Русско-английского общества, был представителем Первой Государственной думы на Межпарламентской конференции мира в Лондоне. По приглашению английского правительства М. М. Ковалевский был членом Верховного трибунала для разрешения споров между США и Канадой, членом многих научных учреждений за границей.

Умер М. М. Ковалевский в 1916 г., завещав свою огромную библиотеку Академии наук и Московскому университету, а свой капитал – Московскому и Харьковскому университетам на выплату стипендий.

Как ученый М. М. Ковалевский интересовался многим. Он был юристом, историком, экономистом, этнографом и социологом широкого диапазона, занимался сравнительной историей права, экономической историей, историей полити-

ческих учений и общественной мысли, эволюцией государственных учреждений, историей культуры. Сам Ковалевский говорил, что считает себя более историком, нежели юристом.

По своим теоретическим взглядам М. М. Ковалевский всю жизнь оставался позитивистом, однако в 70-х гг. XIX в. испытал сильное влияние К. Маркса (что было отмечено его современниками) и стал большое внимание уделять экономическому фактору развития общества.

В 70-х гг. XIX в. российские ученые более всего интересовались Французской революцией конца XVIII в. М. М. Ковалевский, отдав дань этому увлечению, много времени посвятил также изучению английской истории, в частности, истории английской революции середины XVII в.

Объяснить интерес Ковалевского к английской истории пытались П. Г. Виноградов и Н. И. Кареев. Они отмечали, что М. М. Ковалевский с большой симпатией относился к Англии, так как ценил склад британского характера, отношение англичан к науке, что, будучи противником произвола, Ковалевский видел в Англии законченное выражение гражданской свободы, связанной с юридическими гарантиями³.

Взгляды М. М. Ковалевского на историю английской революции рассматривались в историографических обзорах Е. А. Косминским⁴, В. М. Лавровским и М. А. Баргом⁵. В трудах петербургского исследователя «русской школы» историков С. Н. Погодина этой проблематике также не уделено достаточно внимания⁶.

Несомненно, М. М. Ковалевский был поклонником английских порядков. Именно в английской истории он искал ответ на вопросы, которые волновали российскую буржуазию, представителем и выразителем настроений которой он являлся. Ковалевский изучал политический опыт английской буржуазии. Научную деятельность Ковалевского невозможно понять вне связи с общественно-политической жизнью российского общества конца XIX – начала XX в.

Первые работы М. М. Ковалевского, созданные в 70-х гг., были посвящены Англии: магистерская диссертация «История полицейской администрации в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда I» (1877), докторская диссертация «Общественный строй Англии в конце средних веков» (1880). В 1876 г. вышла его книга «Полиция рабочих в Англии и мировые судьи как судебные разбиратели споров между предпринимателями и рабочими». В 80-х гг. были опубликованы еще две статьи, посвященные Англии⁷. Этот «английский цикл» работ Ковалевского был замечен и в Англии.

В 90-х гг. XIX в. М. М. Ковалевский занялся исследованием проблем английской революции XVII в. Он планировал создать большой труд по её истории, но не довел работу до конца, хотя в течение 20 лет публиковал статьи по различным вопросам английской революции⁸. Материалы этих

статей (или статьи целиком) позже вошли в более крупные работы ученого⁹. Затем Ковалевский опубликовал статьи «Причины обезземеления крестьян в Англии» и «Мильтон как поборник народного самодержавия и автономии личности»¹⁰. Материалы исследований по английской истории профессор использовал также в своих многочисленных лекционных курсах¹¹. Многолетние исследования в области английской истории были обобщены им в большой работе «История Великобритании»¹². Все эти работы дают возможность воссоздать концепцию английской революции, разработанную Ковалевским.

М. М. Ковалевский утверждал, что всё подвержено эволюции. Однако эволюцию его собственных взглядов на отдельные проблемы истории проследить трудно. Ученый имел привычку свои ранние работы целиком или в сокращенном виде включать в более поздние труды без соответствующей редакции. Его концепция английской революции сложилась в 90-х гг. XIX в. и вошла в поздние работы вплоть до «Истории Великобритании» без изменений. Таким образом, и в первое десятилетие XX в. в книгах Ковалевского мы находим те выводы, которые были сделаны им в ранний период научной деятельности.

М. М. Ковалевский был отличным знатоком источников. Он знал языки – английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, латинский (классическую и средневековую), старонормандский и шведский – и никогда не пользовался источниками из вторых рук, а сам разыскивал их в архивах. В ходе работы над диссертацией им были изучены вотчинные протоколы и ренталии. Ковалевский изучил мемуары, письма, сочинения современников и участников революции. Он упоминает о сотнях томов коллекции памфлетов XVII в., хранившейся в Британском музее. Исследователь проанализировал памфлеты Лильберна и Уинстенли, донесения голландских резидентов из Лондона, а также сочинения английских мыслителей XVI–XVII вв. (Т. Мора, Ф. Бэкона и др.)

Внимание М. М. Ковалевского привлекали прежде всего предпосылки революции (социально-экономическое развитие Англии в XV–XVII вв.), аграрный вопрос и пути его решения, политическая борьба в годы революции, политическая программа левеллеров и ее историческое значение, движение диггеров.

Первую английскую революцию 40-х гг. XVII в. М. М. Ковалевский считал поворотным моментом в истории Англии. По этому поводу он высказывается ясно: «Период первой Английской революции потому только и может считаться поворотным моментом не в одной политической, но и в социальной жизни Англии, что он знаменует собою решительный разрыв с средневековым хозяйственным строем, с его системой мелкого производства для удовлетворения потребностей местного рынка. Производство на широкую ногу и для целей иноземного сбыта ... характеризует

собою ... одинаково сельскохозяйственную, индустриальную и торговую политику республики. Такая радикальная перемена сделалась возможной только под условием столь же решительного переворота во всех видах народного труда. Переворот этот сказывается в области сельского производства в расширении скотоводства в ущерб земледелию, в области городского – в развитии суконных мануфактур и вывозной торговли их продуктами. Все и каждое из перечисленных явлений были вызваны, несомненно, всем предшествующим ходом экономического развития страны и только ускорены в своем дальнейшем ходе тем отношением, в какое стало к ним правительство республики»¹³.

Из этого высказывания видно, как Ковалевский подходил к вопросу о предпосылках революции. Поскольку он утверждает, что республика только продолжала то, что началось ранее, и ускорила это развитие своей политикой, следует считать, что к революции призвал Англию весь предшествующий ход экономического развития страны. Этот процесс прослежен им достаточно подробно в ряде работ.

«Отправным пунктом» развития «современной Англии» М. М. Ковалевский назвал следующие факторы: рост торговли шерстью в XV в., развитие в связи с этим овцеводства и огораживание общинных земель, замену земледельческого хозяйства луговым¹⁴. Он отмечал, что крепостное право исчезло в Англии еще в XV в. (отмену крепостного права он рассматривал как процесс перехода от барщины к оброчному хозяйству). Это было последствием самопроизвольного процесса развития, источник которого лежал в экономических причинах. Ковалевский выделяет три такие причины: рост спроса на землю, рост ренты за землю, увеличение в ряде стран спроса на английскую шерсть. Но главное – все это происходило под влиянием естественного роста населения¹⁵.

По мнению М. М. Ковалевского, помещики заменили барщину оброком, так как «труд крепостных был мало продуктивен, как всякий вынужденный труд», а ликвидировав барщину, потеряли интерес к удержанию в поместьях лиц, платящих неизменную ренту. Они отказываются от труда крестьян и предпочитают заменить их фермером.

Этот процесс начался в XV в., но поворотным моментом в истории земледелия и сельских классов Англии Ковалевский (как и другие историки) называет XVI в., когда овцеводство вышло за пределы личных земель и стали огораживаться общинные пастбища. Он отмечает, что восстание Кета в Норфолке в середине XVI в. было вызвано уже обезземелением крестьян¹⁶.

М. М. Ковалевский подчеркивал значение этого процесса, поскольку огораживание общинных пастбищ вело к уходу из поместья копигольдеров. Он указывал, что «мелкое крестьянское хозяйство возможно лишь под условием существования, наряду с наделом, еще общинных угодий», на

которых крестьянин может кормить рабочий скот, корову и т. д., без общинных угодий крестьянин не может обрабатывать и надел.

Вечно-наследственная аренда крестьян, или копигольд, начинает уступать место фермерскому хозяйству. Крестьяне добровольно или насильственно покидают поместье, потому что во второй половине XVI в. произошли такие перемены «в системе народного хозяйства», которые сделали невыгодным для самих крестьян существование системы наследственного оброчного владения. Ковалевский отмечает, что копигольд становится убыточным для держателя, так как прогрессивно растет арендная плата за землю¹⁷.

М. М. Ковалевский подметил, что процесс «вымирания старых и нарождения новых хозяйственных порядков» был ускорен секуляризацией монастырской собственности, проведенной Тюдорами. Значение её Ковалевский сравнивал с аналогичным процессом во Франции 1789 г.: «Проектируемые реформы на практике получают то направление, какое дают им господствующие в обществе классовые интересы, а такими в Англии XVI века были интересы служилого сословия, как во Франции 89 г. интересы буржуазии»¹⁸.

Ковалевский прослеживает, как бывшие монастырские земли переходят в руки джентри и буржуазии, в руки молодого дворянства, созданного Тюдорами из выходцев из буржуазии. Новые владельцы имений стали усиленно проводить огораживание.

Все эти процессы (огораживание, рост арендной платы и т. д.) привели к тому, что место покинувшего землю крестьянина заняли денежные арендаторы, скупщики и торговцы скотом и шерстью. В народном хозяйстве произошел радикальный переворот: земледелие отступило на задний план, уступив первенство скотоводству. Изменился облик английской деревни.

Итогом обезземеления крестьянства явилось перемещение населения в стране. Крестьянство хлынуло в город и «доставило английским городским промыслам – мануфактуре и торговле – то громадное число рук, без которого в эпоху, когда машины ещё не были известны, английской промышленности и английской торговле отнюдь не удалось бы достигнуть такого быстрого преобладания над промыслами и торговлей других стран Европы»¹⁹. В то же время в Англии развилось бродяжничество и нищенство. В начале XVII в. было уже много бездомного люда, который использовали потом (в гражданской войне) обе стороны.

Таким образом, по мнению М. М. Ковалевского, основная общая причина серьезных преобразований в общественном укладе тудоровской Англии лежит в переходе от натурального хозяйства к меновому, сказавшемся в ходе аграрной революции.

Говоря о предпосылках революции, главное внимание Ковалевский уделил аграрному пере-

вороту в Англии. Гораздо меньше он говорил о развитии промышленности и торговли, однако отмечал, что и здесь в XVI в. происходят изменения (особенно при Елизавете).

В XVI в. в Англии растут промышленность и торговля. Ковалевский отмечал появление новых видов промышленности – производства стекла и мыла, – отмечал усовершенствование выделки шерстяных тканей. Усилилось кораблестроение вследствие того, что вывоз английских товаров стал возможен (при Тюдорах) только на английских судах. В XVI в. промышленность распространяется из города в село. Ковалевский подчеркивает, что в селах, где не было цехов, зарождается свободная от них промышленность, и потом она переходит в город, в кварталы, пользующиеся привилегиями и свободой от цехового гнета²⁰. Когда капиталист стал раздавать сырой материал семьям на дом, тогда было заложено основание крупного производства, создающего не только потребительные, но и меновые ценности²¹. Этот процесс Ковалевский прослеживает с XVI в.

При Тюдорах развивается торговля, особенно внешняя, морская. В XV в. Англия продавала преимущественно сырьё и ввозила мануфактурные изделия. В XVI в. англо-венецианская торговля перешла в руки англичан, затем в Лондоне была закрыта Ганзейская контора. Елизавета поощряла морскую торговлю и поддерживала колониальные компании: «Век Елизаветы положил прочные основы владычеству Англии над морями, обеспечил её развивающейся промышленности близкие и отдаленные рынки и дал стране возможность принять участие в разделе заморских материков и архипелагов»²². Такова была оценка М. М. Ковалевским результатов XVI в. для Англии.

Причины конфликта между королем и парламентом, приведшего к «междоусобной войне», Ковалевский видел в «несогласиях» по конституционным и церковным вопросам. В 12-й главе «Истории Великобритании» он подробно описывает правление первых Стюартов и показывает, что Яков I и Карл I вопреки практике ежегодного созыва парламента стремились править страной без него, поскольку парламент не давал королю денег, выдвигая свои требования.

М. М. Ковалевский прослеживает, как Стюарты изыскивали средства, необходимые для покрытия издержек управления, путем «оживления» средневековых форм вымогательства. Как глава феодальной организации король имел право опеки над малолетними вассалами, а также право постоя в домах своих вассалов. Эти права давали Стюартам широкие возможности для грабежа их подданных. При Якове I его агенты вели списки богатых купцов, которым король затем оказывал «доверие», брал «взаймы» суммы, необходимые для покрытия расходов, хотя эти насильственные займы были отменены еще Эдуардом III и Ричардом III. Король торговал вновь созданным титулом баронета. В 1628 г. Карл I обложил графства «ко-

рабельными деньгами», что сразу вызвало отпор в стране. Ковалевский рисует яркую картину подобных королевских деяний, чтобы показать всю степень ожесточения, охватившего население Англии к началу 40-х гг. XVII в.

Большую остроту принял также конфликт по церковным вопросам. Яков I был «энергичным противником пресвитерианства», выступавшего против епископской власти и не признававшего никакой церковной иерархии кроме избираемых священников. Ковалевский показывает, что Яков I увидел в этих порядках начала, непримиримые с монархией, и «связал судьбы английской монархии с сохранением епископской власти, а это решение привело его в столкновение с более передовыми течениями в области церкви»²³. Что касается Карла I, то его обвиняли в скрытой приверженности католицизму. Основываясь на исследовании С. Гардинера, Ковалевский, однако, убежден, что эти обвинения были необоснованными²⁴.

В целом, говоря о непосредственных причинах английской революции (которую принято было называть пуританской), М. М. Ковалевский, отметив религиозные споры, на первый план выдвигал конфликт в области экономических и политических отношений.

Обратившись к исследованию общественного строя Англии в период революции («в эпоху республики»), Ковалевский определил круг вопросов, на которые он считал необходимым ответить прежде всего: «Как отразился на судьбах владетельных и не владетельных классов английского общества процесс замены натурального хозяйства денежным; в какой мере затронуты были им интересы крестьянского люда, насколько обусловленные им перемены в системах хозяйничания вызвали перемещение богатств в среде помещиков, арендаторов и сельских рабочих»²⁵.

Главное внимание Ковалевский уделял аграрному вопросу, ибо считал, что «историку, который желал бы представить картину внутреннего быта той или другой страны в ту или другую эпоху ее существования, необходимо остановиться прежде всего на вопросе о распределении в ней недвижимой собственности. Эта последняя всегда являлась... одним из материальных фундаментов всякого господства, общественного и политического»²⁶.

М. М. Ковалевский, проанализировав многочисленные работы «сельскохозяйственных писателей» XVII в., современников революции, делает вывод, что все они пишут о необходимости по примеру голландцев порвать со старинными традициями и поставить хозяйство на новую основу. Общее заключение Ковалевского: в середине XVII в. Англия только что вступила в процесс медленного перехода к более интенсивным системам хозяйствования. Переход этот задерживался слабым еще развитием луговодства, огородничества и льноводства и существованием наделной системы, в течение столетий неизменно приспособленной к чередованию озими, яра и пара. Ковалевский

останавливался на этих деталях, потому что считал: «Введение огородничества, льноводства и луговодства предполагает возможность перехода к более интенсивной форме севооборота, чем та, какую допускает трехпольная система, и которая господствовала в Англии триста лет, а к ней приурочена была вся надельная система общинных полей с ее конами и полосами»²⁷.

Первый чувствительный удар по этой системе нанесли в XVI в. успехи скотоводства и огораживание общинной пустоши. Но эта система еще продолжала держаться. Ковалевский подчеркивает, что все авторы XVII в. рекомендуют правительству «обязательный раздел общинных полей», пишут о выгоде огораживания, о возможности лучше обрабатывать землю и повысить доходность пахотной земли в 2–3 раза, а пастбищ – в 10 раз. Сто акров огороженной земли стоят четырехсот акров, лежащих вперемежку среди открытого поля. Все возражения, которые вызывает надельная система, сводятся к одному – «невозможности производить затраты на землю без уверенности в том, что эти затраты пойдут на пользу сделавшего их»²⁸.

В XVII в. захват общинных земель производился еще и путем осушения болот. Находились «капиталисты», которые брались вложить большие деньги в осушение болот, но при условии, что затрата капитала будет вознаграждена обращением лучшей части утилизированной земли в их пользу. М. М. Ковалевский рассказывает о случаях столкновений таких компаний «капиталистов» с местными крестьянами. Осушение болот для крестьян было равносильно огораживанию, и они разрушали шлюзы.

М. М. Ковалевский выяснил, что в годы революции обезземеление крестьянства усиленно продолжалось путем «добровольных соглашений» и насильственного захвата общинных полей. Лендлорды сносили целые селения. Землевладельцы пользовались тем, что права общинников опирались на давность владения и не могли быть засвидетельствованы письменными актами. Особенно упорными в проведении этой политики были «недавние приобретатели» конфискованных у кавалеров и распроданных поместий.

В связи с этим М. М. Ковалевский ставил вопрос, чем обусловлена в середине XVII столетия «перемена в отношении владетельных классов к общинному землевладению», и отвечал на него: «...нам необходимо будет остановиться на мысли, что быстрый рост населения, увеличивши запрос на землю, повел к возрастанию платимой за нее ренты, а это обстоятельство должно было обусловить собою более интенсивную систему хозяйничания, при которой общинное землевладение становится анахронизмом»²⁹. Таким образом, необходимость интенсификации сельского хозяйства (которую уже понимали землевладельцы) обусловила решение аграрного вопроса в ходе революции.

Центральным фактом в общественной жизни республиканской Англии Ковалевский называл «отмену феодализма». Он поднял вопрос, почему феодализм был отменен землевладельцами (т. е. феодалами), ведь в течение столетий «преобладание феодальной аристократии» было построено «на экономической и социальной зависимости от нее других классов общества»³⁰. По этому поводу М. М. Ковалевский говорил, что «история представляет не один пример тому, как учреждение, вызванное к жизни известными интересами, со временем обращается против этих интересов». Своим исследованием ученый доказывал, что феодализм был выгоден для собственника при системе наследственных держаний, когда он гарантировал получение постоянного дохода (неизменного из поколения в поколение). Но на протяжении XVII в. деньги упали в цене (после притока американского золота), а цены выросли и «наследственная аренда с её неизменной земельной рентой становится условием разорения». Феодализм становился с каждым поколением «все более и более отяготительным для интересов земельных собственников, так как препятствовал нормальному возрастанию их ренты»³¹.

Также М. М. Ковалевский отмечал «неудобства феодальных порядков». Помещик одновременно был вассалом короля и был обязан нести повинности и платежи, «однохарактерные с теми, исполнения которых он требует от свободных владельцев своего лена»³².

Стюарты пытались оживить платежи, вышедшие из употребления. Современники писали о тягости феодальных обязательств, о тяжелых «правах короны». Ковалевский отмечает единство парламента в этом вопросе. Когда палата общин в 1645 г. предложила отменить рыцарские держания, палата лордов сразу согласилась с этим.

Существование решения вопроса, предложенного землевладельцами, Ковалевский видел таким: «Кто знаком с социальным строем средневековой Англии, тот согласится с нами, что этот строй опирался на факт совладения помещика и свободных и крепостных обывателей его поместья, т. е. фригольдеров и копигольдеров. Их права на землю признаваемы были обычаем в такой же степени, как и права лендлорда, который поэтому не мог беспрепятственно согнать их с своей земли или произвольно повысить следуемые с них натуральные и денежные платежи»³³. Ковалевский подчеркивал, что это не особенность Англии – такие порядки были общими для феодального строя и во Франции, и в Германии.

М. М. Ковалевский показал, какую роль в процессе вымирания средневековых форм землевладения играла юридическая практика. Юристы объявили признаваемое обычаем право совладения не реальным, а договорным правом, источником которого является добрая воля помещика, нет соглашения и письменного документа – нет и прав на землю (у крестьян). На эту практику

указывают жалобы, которые получал протектор от арендаторов, согнанных с земли.

Таким образом, М. М. Ковалевский пришел к выводу, что средневековые порядки, «корень которых лежит в феодализме», стали невыгодны земельным собственникам. Одновременно они тяготились феодальными поборами в пользу короны. Этим и объяснял Ковалевский принятие акта 1656 г., которым «положен был конец феодальным и крепостным отношениям», и издан он был в интересах землевладельцев. Ковалевский подчеркивал, что эта сторона вопроса выступает с особенной наглядностью, если проанализировать текст акта 1656 г.

Были упразднены все платежи, которые получало правительство на правах верховного сюзерена: право опеки, право требовать рыцарскую присягу и платежи за утверждение лена за наследником и т. д. «Я полагаю, – писал М. М. Ковалевский, – что нечего настаивать на той мысли, что перечисленные мероприятия клонятся ... к выгоде собственников ... Но то, что следует, еще больше подтверждает нашу мысль». А следовало вот что. В акте оговаривалось, что все платежи в поместье продолжали существовать, но не упоминалось об обязательстве лендлордов сохранить за крестьянами своих поместий их общинные наделы: «Все земли поместья признаются неограниченной собственностью лендлорда, и права отдельных владельцев в них всецело опирающимися на свободном договоре или соглашении с помещиком. Обезземеление крестьянства, таким образом, было ускорено отменой феодализма...»³⁴. М. М. Ковалевский подводит итоги аграрной политики революции: «Если в заключение мы спросим себя, какое влияние революция 1648 года оказала на социальное положение земледельческих классов, нам придется ответить, что она не сделала ничего для улучшения быта ни крестьян-общинников, ни арендаторов»³⁵.

Исходя из анализа решения аграрного вопроса М. М. Ковалевский определял характер революции: «Таким образом, знакомство с социальными условиями землевладельческих классов в период республики и протектората не оставляет сомнения в буржуазном характере первой английской революции»³⁶. Российский исследователь в своих работах показал, что «интересы демоса» не были приняты революцией в расчет.

Стремясь раскрыть последствия этого для дальнейших судеб Англии, Ковалевский утверждал, что «прогресс Англии в мировой промышленности и мировом обмене имеет своим отправным пунктом обезземеление народных масс»³⁷. В аграрном перевороте он видел и причину быстрых успехов английского земледелия, так как огораживание удаляло с земли класс, которому свойственно держаться старинных способов обработки земли, и привело к интенсификации сельского хозяйства. В то же время Ковалевский отмечает и «менее радужные» социальные последствия.

Итогом эмансипации крестьян без земли, пишет он, было обезземеление большинства народа и развитие огромного городского пролетариата³⁸.

М. М. Ковалевский уделил большое внимание народным движениям в революции. Прежде всего его интересовали движение левеллеров и их политическая программа. Он выступил против мнения тех историков, которые утверждали, что «радикализм» возник в Англии в конце XVIII в. под непосредственным влиянием Французской революции. Эта точка зрения шла из Германии и поддерживалась некоторыми российскими учеными. Ковалевский поставил задачу опровергнуть данное мнение о возникновении радикализма: «Мы надеемся доказать, что он сложился в цельную систематическую доктрину почти за полтора десятилетия до начала французской революции и на английской почве»³⁹.

Свои выводы он основывал на мемуарах, письмах и многочисленных памфлетах середины XVII в. В памфлетной литературе 60-х гг. XVII в. обсуждался вопрос о наилучшем устройстве республики и часты были ссылки на государственный строй Голландии и Венеции, «образцовых республик этого времени». Ковалевский ставил вопрос, не сложилась ли политическая теория английского радикализма под влиянием этих иностранных образцов.

Просмотрев множество томов коллекции памфлетов в Британском музее, Ковалевский не нашел ссылок на порядки в Голландии или Венеции в эпоху, непосредственно предшествующую провозглашению республики, т. е. в период самого зарождения английского радикализма, что позволило ему сделать вывод: «В Англии стали изучать иноземный республиканский строй после установления республики не столько для того, чтобы представить образцы для подражания, сколько с целью подкрепить ссылками на всеми уважаемые порядки недавно совершившийся переворот в английских учреждениях»⁴⁰.

М. М. Ковалевский утверждал, что движение левеллеров возникло в Англии в период «междоусобной войны» между парламентом и королем Карлом I и что с самого начала теория английских «радикалов» чужда привнесенному извне. Она развивалась «на почве непосредственной критики английских государственных порядков». «Радикалы» последовательно развивали учение о «законном правительстве», которое в период «междоусобной войны» ставило волю парламента выше воли короля: «И на этот раз, как и в предшествующие эпохи, английская политическая мысль не опередила, а сопровождала собою политический переворот; она не столько подготовила события, сколько сама обусловлена была ими»⁴¹.

В 1892 г. Ковалевский решал вопрос о зависимости политической мысли от хода исторических событий. Религиозные преследования в первой половине XVII в. наводили пуритан на мысль о свободе личности и совести, на которую ни король,

ни парламент не могут посягать. Недовольство Звездной палатой и т. д. создало учение о суде присяжных: «Казнь Карла I и уничтожение палаты лордов являются, в свою очередь, исходными моментами для учений о подчиненности исполнительной власти законодательной и равенстве всех граждан по отношению к политическим правам»⁴².

«Поднятые временем социальные вопросы, в свою очередь, отражаются на общественной теории английских радикалов и побуждают их стать в ряды защитников полного уравнивания сословий, отмены феодализма, крепостного права и обусловливаемого ими различия рыцарского, свободного и оброчного держания. Таким образом, независимо от влияния каких-либо иноземных учреждений или на чужой стороне сложившихся теорий, под непосредственным воздействием политических и социальных движений их родины слагается учение английских радикалов середины XVII столетия»⁴³, – таково мнение М. М. Ковалевского.

Далее Ковалевский ставил вопрос о причинах, которые «благоприятствовали появлению подобного учения», и показывал, «какое теоретическое и практическое выражение нашло оно в эпоху английской республики», т. е. на какой основе возникло движение. Исходя из данных источников М. М. Ковалевский пришел к выводу, что движение левеллеров было вызвано к жизни преувеличенными ожиданиями, возлагаемыми на республику главными виновниками революции (т. е. народом), и неудовлетворенностью практическими результатами революции. В памфлетной литературе середины XVII в. Ковалевский обнаружил жалобы на то, что действительность не оправдала надежд; солдаты, участники революции, говорили, что не стоило проливать столько крови, что Ферфакс и Кромвель не выполнили обещаний основать свободнейшее государство. Многие офицеры чувствовали ответственность перед соотечественниками за неосуществление тех надежд, какие возлагались на революцию. Вот эта неудовлетворенность сложившимся положением и сознание падающей на нее ответственности подготовили республиканскую армию к восприятию радикальных теорий левеллеров⁴⁴.

Выясняя, почему армия стала очагом всего движения, М. М. Ковалевский принимает во внимание состав и характер ополчения Ферфакса и Кромвеля. Он показывает, что республиканская армия состояла из людей, объединенных религиозными и политическими целями. Пресвитериане и индепенденты были ее стержнем. По словам современников, все были проникнуты сознанием святости дела. Солдаты готовы были следовать за всяким политическим агитатором, который говорил о неосуществленности их программы, об опасности для их идеалов со стороны правительства. Отсюда следовал вывод Ковалевского: «Радикальное движение – не столько результат воздействия отдельных лиц, сколько выражение чувств и желаний народных масс»⁴⁵.

М. М. Ковалевский старался воспроизвести программу левеллеров, основываясь на содержании их петиций, памфлетов их идейного руководителя Джона Лильберна и «бумаг Кларка». В программе «радикалов» он различал политические, экономические и социальные требования. Больше всего внимания он уделит политическим требованиям, которые и проанализировал в ряде своих работ. Политическую программу левеллеров Ковалевский кратко сводил к следующим положениям: требование однопалатного парламента, созываемого ежегодно (или каждые два года), равномерное распределение избирательных прав, отделение исполнительной власти от законодательной.

Эти требования, сформулированные в декларациях левеллеров на имя Ферфакса, а также в памфлетах Лильберна, Ковалевский называет «систематическим конституционным проектом, первую по времени бумажную конституцией, охватывающей собой все основные вопросы государственного устройства, отличающейся единством плана и целостным проведением радикальной программы»⁴⁶.

М. М. Ковалевский обобщил характерные особенности этой конституции: сосредоточение законодательной власти в руках народного представительного однопалатного собрания; подчинение исполнительной власти законодательной; отделение судебной власти от законодательной; демократический способ замещения должностей (избрание во всех сферах управления); суверенитет нации (законодательное собрание не может посягать на основные права граждан – свободу личности и собственности, совести и печати, промышленной и торговой деятельности); демократический принцип народного ополчения; равенство всех перед налогом, обложение если не по доходу, то по имуществу; народные формы общинного землевладения и вечно-наследственная аренда⁴⁷.

Ученый считал, что левеллеры были новаторами в решении многих вопросов политического устройства страны. Как оригинальную черту в их учении он выделяет требование, чтобы народное представительство не было всемогущим, чтобы оно не могло посягать на неотъемлемые права граждан – свободу совести, равенство всех перед судом и подсудность только присяжным. На Путнейской конференции левеллеры впервые поставили вопрос о всеобщем голосовании, они делали, по словам М. М. Ковалевского, практические выводы из теории естественного права и утверждали, что парламент должен быть пропорциональным представительством всего народа без различия классов и состояний, в то время как Кромвель и Айртон говорили, что главное – свобода совести, а право голоса должно принадлежать только собственникам недвижимого имущества⁴⁸.

М. М. Ковалевский детально исследовал политическую программу левеллеров, так как считал, что это движение представляет значительный

интерес для последующей истории политической мысли. Хотя движение в самой Англии «имело неуспех», оно не было бесплодным, в нем скрывались задатки большого политического творчества. Политическая программа левеллеров оказала сильное влияние на XVIII в. В ней Ковалевский нашел зародыш учения французских просветителей о правах, предшествующих и превышающих всякий закон, об отделении исполнительной власти от судебной, теории смешанной монархии и разделения властей и др. Таким образом, по мнению Ковалевского, программа левеллеров на полтора десятилетия опередила американскую и французскую декларации прав⁴⁹.

Высоко оценив политическую составляющую программы левеллеров, М. М. Ковалевский разбирает и ее социальную сторону, указывая на их стремление к переменам в общественном строе Англии: «Они стремятся уничтожить в нем последние остатки феодализма, сохраняя в то же время неизбывные и исторически сложившиеся основы семьи и собственности»⁵⁰. Профессор подчеркивал, что «их отнюдь нельзя поэтому смешивать с одновременными им английскими социалистами, так как они требуют не переворота, а реформы». Левеллеры, по утверждению Ковалевского, не порывали с прошлым, а хотели устранить «все обветшалое в существующем общественном строе». Они выступали против крепостного права, за фригольд, свободу и полную собственность, против дворянских привилегий. Левеллеры провозгласили новое учение – «отмену сословий». «Отсюда, – подчеркивал Ковалевский, – самое их название “левеллеров”, т. е. “нивелираторов”, ставящих себе задачей подвести все классы общества под один уровень»⁵¹.

М. М. Ковалевский вновь и вновь подчеркивает мысль, что левеллеры не ставили целью уничтожить собственность, и говоря о майском 1649 г. восстании в армии, он снова утверждает, что социального переворота, что бы ни говорили на этот счет противники движения, восставшие полки не имели в виду. В одном из своих заявлений они прямо отрицают всякое намерение уравнивать состояния. Ближайшей задачей восставшие ставили устройство государства по образцу, данному Лильберном и его единомышленниками.

М. М. Ковалевский обращает внимание читателя на эту сторону агитации левеллеров, чтобы перейти затем к характеристике другой «партии», выступившей в революции, – диггеров. Отметив, что современники объединяли левеллеров и диггеров в одну «партию», Ковалевский старательно их разграничивает. Современники, как подметил Ковалевский, сводили к одному уровню весьма отличные друг от друга категории общественных и политических реформаторов: с одной стороны – радикалов, с другой – коммунистов⁵².

М. М. Ковалевский, разделяя обе «партии», старался снять с левеллеров обвинение в «коммунизме» и подчеркивал, что Лильберн и другие

лидеры левеллеров высказывались против всякого союза с теми, кто хотел «уравнять состояния», что левеллеры преследовали исключительно цели политической реформы. Диггеры же как «коммунистическая партия» шли дальше. Их задачи «были гораздо шире и несравненно менее осуществимы». Они шли наперекор веками установившимся воззрениям, задевали интересы всех владетельных классов, в том числе крестьян-общинников, и носили явно выраженную печать иностранного заимствования⁵³.

Поскольку М. М. Ковалевский был уверен в том, что английские порядки не могут породить коммунистической теории, он считал, что свое учение диггеры заимствовали Германии, в лагере анабаптистов в Мюнстере. С другой стороны, он признает, что диггеры постарались приспособить свое учение к существовавшему в Англии общественным отношениям, что они утилизировали для своих целей начавшуюся задолго до них борьбу против огораживания. «Коммунисты», не трогая поместий и ферм, приступили к захвату общинных пустошей, чтобы обратить их под пахоту.

М. М. Ковалевский отмечает, что своим действиям диггеры постарались дать историческое обоснование. Они подняли вопрос об отмене революцией всего предшествовавшего общественному строю Англии, созданного, по их мнению, норманнским завоеванием. Право на занятие неимущими общинной пустоши они называли «отменой норманнского ига над землей, возвращением ее прежним законным собственникам», английским коммонерам. Уинстенли, Эверард, Пальмер и другие предводители движения говорили, что Кромвель – орудие Бога – низверг норманнское иго и должен позаботиться, чтобы земля была возвращена угнетенным общинам.

М. М. Ковалевский утверждал, что агитация диггеров задела крестьян-общинников в их существенных интересах. Крестьяне не хотели примириться с учением, признававшим их сельские угодья общественным достоянием, и стали защищать свою собственность. Не дожидаясь правительственной помощи, они согнали смелых захватчиков со своих полей. Таким образом, Ковалевский не связывает движение диггеров с крестьянским движением.

Поскольку правительство Кромвеля решительно выступило против диггеров и «владетельные классы» (включая крестьян) решительно их не поддержали, агитация диггеров «падает сама собой». К тому же «коммунисты» действовали в духе Святого Писания, относились враждебно ко всякому насилию и проводили на практике теорию «непротивления злу». Таким образом, единственным результатом движения диггеров Ковалевский называет несколько прокламаций и манифестов, в которых выразилось их учение.

Объяснив учение диггеров заимствованным из-за границы, М. М. Ковалевский отказывает в оригинальности и их идеологам. Анализируя

«политический катехизис» диггеров – памфлет Уинстенли «Закон свободы», – он прежде всего ставил вопрос, откуда заимствовал автор свою общественную теорию, и указывал на «Утопию» Т. Мора как ее ближайший источник. «Из этого богатого источника», по мнению Ковалевского, Уинстенли и черпал содержание задуманных им реформ: «Вся оригинальность его учения сводится к попытке примирить его с своеобразно понимаемыми им историческими основами английской гражданственности»⁵⁴.

О периоде протектората Кромвеля М. М. Ковалевский говорит очень бегло, отмечая лишь, что порядок, который водворился в Англии «в эпоху республики и протектората», не был демократическим. Республика Кромвеля представляла собой форму военной диктатуры, и вся его внутренняя политика была направлена на удержание происходившей в Англии революции в границах религиозно-политического переворота.

Однако М. М. Ковалевский отмечает и заслуги Кромвеля перед Англией: «К бессмертной славе лорда-протектора надо отнести его религиозную терпимость. При нем впервые обеспечена была свобода совести» (для протестантов. – А. А.). Кромвелю удалось, «правда, ценою крови и несправедливой конфискации земель у туземного населения, обеспечить прочное владычество англичан в Ирландии». При нем Англия заняла высокое положение в международных делах. Ему удалось обеспечить обладание Ямайкой в Вест-Индии и Дюнкирхеном в Северном море, что было необходимо для расширения английской торговли. Кромвель издал «знаменитый навигационный акт», поощрял развитие торговли и флота⁵⁵.

О перевороте 1688–1689 гг., о второй, или «Славной», революции М. М. Ковалевский говорит совсем коротко. Он отмечает, что Стюарты после реставрации пытались восстановить прежние порядки в стране, вернуть кавалерам конфискованное имущество. Карл II в последние годы проявил намерение править Англией неограниченно, без парламента. Эту политику продолжил Яков II, который попытался также ввести в Англию свободу совести, распространив её на католиков. Однако обнародование декларации о веротерпимости привело к тому, что Стюарты покинули Англию навсегда.

Концепция английской революции, разработанная М. М. Ковалевским в конце XIX в., была в целом прогрессивной. В то время когда ученые Западной Европы отрицали существование истории как науки, он считал, что история – не хаос событий, а закономерный прогрессивный процесс и всё в истории совершается закономерно и обусловленно. В основе общественного развития, по мнению Ковалевского, лежит хозяйственная эволюция, которая проходит определенные стадии. Так, феодальное хозяйство закономерно уступает место капиталистическому. Ковалевский считал первичным экономическое развитие Англии, ре-

лигиозная борьба отходит у него на второй план. Как позитивист он полагал, что смена хозяйственных форм происходит путем мирной эволюции. Революция наступает вследствие того, что правящие круги (в данном случае Стюарты) не видят назревших потребностей, управляют страной не считаясь с законами хозяйственной эволюции. Ошибки правителей приводят к неизбежности революций. Особенно отчетливо эта мысль Ковалевского проявилась в оценке диггеров, которых он охарактеризовал как оторванную от народа секту, очень быстро сошедшую со сцены.

Разработка Ковалевским важнейших проблем английской революции 40-х гг. XVII в. имела большое научное значение. Основным его вкладом в науку было исследование экономической истории Англии, изучением которой в те годы, кроме Ковалевского, занимался лишь Т. Роджерс. Российский ученый впервые показал историческое значение движения левеллеров, а также первым обратил внимание на движение диггеров.

Примечания

- 1 Ковалевский М. М. Две жизни // Вестник Европы. 1909. № 7. С. 19. О своих отношениях с К. Марксом Ковалевский писал в воспоминаниях : Ковалевский М. М. Моё научное и литературное скитальчество // Русская мысль. 1895. № I. С. 61–80.
- 2 Ковалевский Е. П. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям // М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917. С. 27–29.
- 3 См.: Ковалевский М. М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. С. 30–274.
- 4 См.: Английская буржуазная революция XVII века : в 2 т. М., 1954. Т. II. Гл. 25.
- 5 См.: Лавровский В. М., Барг М. А. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. М., 1958. Гл. 1.
- 6 См.: Погodin С. Н. Русская школа историков : Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., 1997 ; Он же. М. М. Ковалевский (1851–1916) // Новая и новейшая история. 1998. № 2. С. 166–167.
- 7 См.: Ковалевский М. М. Взгляд на историю и современное состояние местного самоуправления в Англии // Юридический вестник. 1886. № 6, 7 ; Он же. Секуляризация монастырской собственности в Англии и её ближайшие последствия // Русская мысль. 1888. № I.
- 8 Работы М. М. Ковалевского, посвященные английской буржуазной революции XVII в., написанные в 1891–1911 гг. : Общественный строй Англии в эпоху республики. Аграрный вопрос // Юридический вестник. 1891. № 12 ; Поворотный момент в истории землевладения и землевладельческих классов в Англии // Историческое обозрение. СПб., 1891 ; Родоначальники английского радикализма // Русская мысль. 1892. № 1, 2, 3 ; Кромвель и свобода совести

- в Англии // Киевский сборник. 1892 ; Кавалеры и круглоголовые (Опыт изучения их политических воззрений) // Северный вестник. 1892. № 7, 8 ; Два парламента (Отрывок из истории пуританских движений в Англии) // Русское богатство. 1894. № 2, 3.
- ⁹ См.: *Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии : в 4 т. М., 1895–1897 ; *Он же.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства : в 3 т. М., 1898–1903 ; *Он же.* Развитие народного хозяйства в Западной Европе. СПб., 1899 ; *Он же.* От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму : в 3 т. М., 1906.
- ¹⁰ См.: *Ковалевский М. М.* Причины обезземеления крестьян в Англии // Вестник Европы. 1909. № 4 ; *Он же.* Мильтон как поборник народного самоуправления и автономии личности // Вестник Европы. 1909. № 11, 12.
- ¹¹ См., напр.: *Ковалевский М. М.* История монархии и монархических доктрин. СПб., 1912 ; *Он же.* Демократия и ее политическая доктрина. СПб., 1913.
- ¹² См.: *Ковалевский М. М.* История Великобритании. СПб., 1911. (Оттиск из VIII и IX томов Энциклопедического словаря Товарищества братьев А. и И. Гранат).
- ¹³ *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в эпоху республики. Аграрный вопрос // Юридический вестник. 1891. № 12. С. 480 ; То же : История Великобритании. СПб., 1911. Ст. 1–2.
- ¹⁴ См.: *Ковалевский М. М.* Развитие народного хозяйства в Западной Европе. СПб., 1899. С. 166.
- ¹⁵ См.: *Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы. Т. II. С. 701.
- ¹⁶ См.: *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в конце средних веков. С. 119.
- ¹⁷ *Ковалевский М. М.* История Великобритании. Ст. 529.
- ¹⁸ Там же. Ст. 505.
- ¹⁹ *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в конце средних веков. С. 132–133.
- ²⁰ См.: *Ковалевский М. М.* Развитие народного хозяйства в Западной Европе. С. 124–125 ; История Великобритании. Ст. 568.
- ²¹ *Ковалевский М. М.* Развитие народного хозяйства в Западной Европе. С. 117.
- ²² *Ковалевский М. М.* История Великобритании. Ст. 194.
- ²³ Там же. Ст. 591.
- ²⁴ Там же. Ст. 616 ; То же : *Ковалевский М. М.* История монархии и монархических доктрин. С. 176.
- ²⁵ *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в эпоху республики. Аграрный вопрос. С. 481.
- ²⁶ *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в конце средних веков. С. 1.
- ²⁷ *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в эпоху республики. Аграрный вопрос. С. 485.
- ²⁸ Там же. С. 488.
- ²⁹ Там же. С. 494.
- ³⁰ Там же. С. 503.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 505.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 509.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Ковалевский М. М.* Причины обезземеления крестьян в Англии. С. 759.
- ³⁸ См.: *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в конце средних веков. С. 134.
- ³⁹ *Ковалевский М. М.* Родоначальники английского радикализма // Русская мысль. 1892. № 1. С. 1.
- ⁴⁰ Там же. С. 6.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 11–12.
- ⁴⁵ Там же. С. 7.
- ⁴⁶ Там же. С. 49.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 3. То же в работах: Два парламента // Русское богатство. 1894. № 3 ; От прямого народовластия к представительному... Т. II. Гл. III ; История монархии и монархических доктрин.
- ⁴⁹ См.: *Ковалевский М. М.* Родоначальники английского радикализма // Русская мысль. 1892. № 2. С. 59.
- ⁵⁰ Там же. С. 5.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 61.
- ⁵³ Там же. С. 39.
- ⁵⁴ Там же. С. 47.
- ⁵⁵ См.: *Ковалевский М. М.* История Великобритании. Ст. 692.